

ВЛАДИМИР МАТУСЕВИЧ,

кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник отдела социальных структур Института социологии НАН Украины

Неконсистентный и маргинальный — два определения одного статуса

Abstract

Inconsistency and marginality are considered in modern sociology as different and unrelated phenomena, each of which has its own history of elaboration, conceptual and methodical principles. G.Lenski was first who have paid proper attention to these phenomena and noticed, that an individual with low consistent status is marginal with characteristic for him social and psychological features. In the sequel, this thesis seems to be falling on deaf ears with a view to conceptual comprehension and proper methodical embodiment. So, it did not result in studies of inconsistency and marginality as distinct but coherent descriptions of one status. In the article, an attempt to comprehend this connection as typically-causal is undertaken. The inconsistency is interpreted as a cause, and marginality is viewed as a result within this relation. At the same time, they both are understood as two definitions one status. Such approach makes it possible to unite theoretical and methodical facilities of these trend of research, as well as to trace the influence of separate descriptions of inconsistency on derived from them features of marginality. In particular, it results in dualism of marginal status, its similarity with other abutting upon him statuses by some status characteristics, dualism of attitudes of its bearers. The adjusted causal relation between inconsistency and marginality point out the perspective of further studies on this subject matter.

Изучение статусной неконсистентности¹ — одно из направлений исследований социальной стратификации — обретает в отечественной социологии все большие масштаб и актуальность [Коваліско, Савчинський, 2004: с. 182–187; Савчинський, 2006: с. 89–95]. Усиление интереса к этой проблематике вполне понятно, поскольку трансформация общественных отноше-

¹ Английский термин “inconsistency” в рассматриваемой предметной области переводят на русский язык как несогласованность. Именно в этом значении он употребляется в статье.

ний, происходящая в Украине в течение почти двадцати лет, существенно влияет на состав и удельный вес критериев статусной дифференциации, на меру их согласованности в структуре статусов представителей разных социальных групп.

Актуальность данного направления исследований для выяснения реального состояния социальной структуры, тенденций ее дальнейших изменений, в свою очередь, придает большую значимость и актуальность другому аспекту этой проблемы, довольно важному для понимания как сущности статусной неконсистентности, так и ее социальных последствий. Прежде всего речь идет о маргинальности. На связь этих явлений указывал и Герхард Ленски — автор концепции статусной неконсистентности. В статье “Статусная кристаллизация: невертикальное измерение социального статуса”, опубликованной в 1954 году, он отмечал, что “индивид с низкоконсистентным статусом — это маргинал, подверженный такому давлению социального порядка, которое не ощущается ... индивидами с высококонсистентным статусом” [Lanski, 1954: p. 411]. В дальнейшем этот тезис, к сожалению, не получил концептуального осмысления и соответствующего методического воплощения и, в итоге, не подвел к изучению неконсистентности и маргинальности как разных, но связанных характеристик одного социального статуса.

Одновременный анализ этих характеристик, то есть рассмотрение каждой из них в контексте другой, позволит, по нашему мнению, лучше понять их общественную сущность и формы проявления как на социальном, так и на личностном уровне. Чтобы определить цель такого исследования и его конкретные задачи, рассмотрим сначала концептуальную основу и подходы, сформировавшиеся в социологии для определения упомянутых явлений.

Что касается статусной неконсистентности, или, другими словами, статусной несогласованности, то она, по Г.Ленски, заключается в несогласованности позиций индивида в разных социально значимых измерениях социальной стратификации. К таким измерениям, одновременно являющимся и измерениями социального статуса, он относил величину дохода, профессию, образование, этническую принадлежность, то есть признаки, которые в совокупности наиболее полно определяли место индивида в американском обществе 1950-х годов [Lanski, 1954: p. 405–413]. Не изменяясь по сути, эта позиция постепенно претерпела некоторые изменения, трансформировавшись в зависимости от акцента на тех или иных признаках неконсистентности и средствах ее измерения в три аналитических версии: объективную, субъективную и нормативную¹.

Согласно объективной версии статусную неконсистентность рассматривают как несоответствие рангов разных статусообразующих позиций, например, высокого уровня образования и низкого дохода. Возможность количественного измерения таких рангов, их независимость от восприятия и оценок со стороны индивида — носителя социального статуса — обусловили название версии.

В отличие от предыдущей, субъективная версия статусной неконсистентности подчеркивает именно осмысление индивидом своей позиции в

¹ Развернутый обзор этих версий см. в: [Савчинський, 2006: с. 90; Сабліна, 1990: с. 416–418].

социальной структуре, ее восприятие и оценку, по которым в итоге и определяют меру согласованности или несогласованности его социального статуса. Однако авторы этой версии, признавая за индивидом способность адекватно осмысливать свою статусную ситуацию, не учли, что в повседневной жизни ее восприятие происходит не в терминах этой версии, а в понятиях, сформированных жизненным опытом субъекта оценки, что в результате и отражается на качестве измерения.

Что касается нормативной версии, то ее в определенной мере можно считать компромиссной. Акцентируя внимание не на рангах отдельных критериев статусной дифференциации, а на их конфигурациях, статистически обусловленных или заданных центральной тенденцией общественно-мнения и ожидаемых индивидом, эта версия, с одной стороны, является объективной, поскольку критерии оценки — нормативно ожидаемые профили — заданы индивиду извне, а с другой — субъективной, поскольку осмысление социального статуса и его сравнение с нормативным осуществляется сам индивид.

Как видим, каждая версия, сосредоточивая внимание на неконсистентности социального статуса, отражает свой аспект этого явления. Объективная подчеркивает социальную обусловленность статуса, его определенность позициями индивида в системе общественных отношений. Нормативная подчеркивает взаимосвязь этих позиций, отражение их в общественном мнении и получение благодаря этому императивного характера. Субъективная версия указывает на способ функционирования неконсистентного статуса, поскольку, лишь будучи осознанным индивидом и его окружением, он становится регулятором его ориентаций и поведения.

Очерчивая весьма полно и разносторонне концептуальную основу, направления и предметное поле исследований неконсистентности, перечисленные версии, однако, не учитывают одной ее характерной особенности. Речь идет о том, что статусный признак, не согласованный относительно некоторых существенных признаков определенного статуса, полностью согласуется с признаками другого статуса. Так, заработная плата врача или учителя в современном украинском обществе не согласуется с уровнем их образования, но для представителя рабочей профессии вполне приемлема. То же самое можно сказать и о некоторых звездах шоу-бизнеса, которые, имея высокие доходы, по уровню образования не отличаются от своих водителей или горничных. Это обстоятельство, по нашему мнению, дает основания рассматривать неконсистентный статус как сочетающий признаки как минимум двух разных статусов. В этом качестве его уже обозначают термином “маргинальный”, и он становится предметом анализа, направленного прежде всего на раскрытие его двойственного характера. Именно в данном ракурсе в 20-х годах прошлого века и началось изучение социального положения американских мигрантов, оказавшихся на пересечении разных культурных общностей, отражая в своем сознании и поведении их существенные, порой противоречивые черты.

Приоритет в использовании термина “маргинальный” в социологическом смысле принадлежит Роберту Парку, впервые использовавшему его в статье “Человеческая миграция и маргинальный человек”, опубликованной в 1928 году [Park, 1928: p. 889–893]. Анализ эволюции этого термина, его

концептуальных оснований выявил несколько направлений данного процесса¹. Помимо уже упоминавшегося “культурного” направления, выделяются исследования, в которых маргинальность освещается в контексте теории референтной группы, акцентируя внимание на состоянии индивида, чьи притязания стать членом своей референтной группы игнорируются, что ведет к его двойной идентификации и неопределенности социальной принадлежности. Такое состояние может возникать и в процессе социализации в период общественной трансформации, в результате которой ценностно-нормативные компоненты референтных групп индивида оказываются противоречивыми. Получают распространение и утверждаются в качестве отдельного “структурного” направления исследования маргинальности, объектом которых выступают социально изолированные категории населения, частично или полностью лишённые гражданских прав, доступа к средствам производства и распределению материальных и духовных благ и услуг. Основное внимание здесь сосредоточено на особенностях позиции представителей этих категорий по отношению к другим социальным группам, их места на периферии социальной структуры общества.

Рассмотренные выше направления изучения маргинальности, как видим, сконцентрированы вокруг социального статуса индивида или группы, степени его маргинальности, ее причин и следствий. Данное обстоятельство представляется вполне правомерным, если учесть, что маргинальный статус — базовый конструкт, являющийся ключевым в понимании маргинальности, необходимой предпосылкой и средством ее операционализации и анализа на эмпирическом уровне [Попова, 2000: с. 107–109].

Эвристическая значимость этого термина заключена уже в его определении. Так, будучи позицией, отражающей двойственность положения индивида, то есть его реальную или воображаемую принадлежность одновременно к двум статусным группам, занимающим разные места в социальной структуре, маргинальный статус, тем самым, указывает на необходимость применения сравнительного анализа, без которого невозможно раскрыть содержание двойственности данного статуса. Именно это отличает исследования маргинальности от исследований неконсистентности, в которых предмет анализа ограничен сравнением критериев статусной дифференциации в рамках одного статуса или вообще без учета статусной принадлежности, то есть в пределах социальной структуры в целом.

Констатируя различия концептуальных оснований рассмотрения маргинальности и неконсистентности, нужно признать и то общее, что свойственно этим направлениям структурных исследований. Таким общим для обоих подходов является фиксация несогласованности критериев статусной дифференциации как исходного пункта анализа. Следующее обстоятельство, указывающее на связь этих направлений, вытекает из анализа попыток согласовать проявления неконсистентности и маргинальности с определенными когнитивными, эмоциональными состояниями и поведением индивидов. В частности, в рамках концепции статусной неконсистентности уже устоялось мнение, согласно которому люди с высокой степенью статусной кристаллизации (консистентности) склонны к сохранению существующего порядка, а их электоральные предпочтения весьма умеренны

¹ Об эволюции понятия “маргинальность” в социологии см. в: [Попова, 2000: с. 7–45].

и консервативны. В то же время люди с низкой степенью статусной кристаллизации настроены более радикально и поддерживают партии, призывающие к политическим и экономическим изменениям [Lenski, 1954: p. 410–413]. Однако не все исследования подтверждают это мнение. С. Саблина, анализируя связь статусной неконсистентности и электорального поведения избирателей России, пришла к выводу о том, что носители несогласованных статусов существенно не отличаются от остальных избирателей. Не было обнаружено также статистически значимых связей типов несогласованности с электоральным поведением, однако прослеживается связь последнего с образованием, квалификацией (должностью) и доходом работника [Саблина, 1999: с. 424]. Более того, использование процедуры логистической регрессии позволило в определенной степени скорректировать этот вывод, а именно — выяснить, что на политические предпочтения влияют скорее ранги позиций индивида в разных измерениях социальной стратификации, нежели несогласованность [Саблина, 1999: с. 425].

Изложенные выводы имеют принципиальное значение для освещения связи неконсистентности и маргинальности. Дело в том, что именно ранг статусообразующего признака определяет его как признак соответствующего статуса. Например, высшее образование является признаком статуса специалиста, а общее среднее или профессионально-техническое — квалифицированного рабочего. Таким образом, ранг статусного признака в случае несогласованности с рангами других статусных признаков индивида указывает на его одновременную принадлежность по этому признаку к иной статусной группе, то есть на двойственность или маргинальность его статуса. При таких обстоятельствах неконсистентность можно рассматривать как непосредственную детерминанту маргинальности, а уже последнюю — как фактор непосредственного влияния на ориентации и поведение индивида. Если принять данное утверждение, то логично предположить, что на этапе определения социальной (статусной) обусловленности ориентаций и поведения индивида концепция неконсистентности как средство анализа и интерпретации недостаточно продуктивна, а концепция маргинальности, наоборот, — открывает новые возможности и перспективы. В частности, учитывая двойственность маргинального статуса, можно выдвинуть гипотезу и относительно двойственности ориентаций и поведения его носителей. Для проверки этой гипотезы необходимо, во-первых, выделить в системе имеющейся в Украине социальной стратификации четко выраженную маргинальную статусную группу и, во-вторых, найти статусные группы, с которыми она соседствует, то есть те, что имеют с ней общие статусные признаки соответствующих рангов. Это, в свою очередь, позволит осуществить сравнительный анализ ориентаций и установок выделенных статусных групп.

На роль маргинальной статусной группы, по данным всеукраинского социологического мониторинга¹, более всего подходит как по удельному

¹ Всеукраинский социологический мониторинг “Украинское общество: мониторинг социальных изменений” осуществляет Институт социологии НАН Украины с 1994 года. Руководитель проекта — директор института В. Ворона, авторы программы — Н. Панина и Е. Головаха. Объем выборки, репрезентирующей взрослое население Украины по полу, возрасту, образованию, типу поселения и областям, составляет 1800 человек.

весу в структуре занятости взрослого населения Украины, так и по степени выраженности неконсистентности группа квалифицированных рабочих со средним специальным и высшим образованием, а на роли граничащих с ней — группа специалистов и группа квалифицированных рабочих с неполным средним и средним образованием¹. Две последние статусные группы, имея общие с маргинальной группой статусные признаки (в первом случае — образование, во втором — квалифицированный физический труд), делают возможной не только проверку выдвинутой гипотезы, но и выяснение характера влияния на ориентации и установки людей отдельных статусных признаков, в частности образования и формы занятости.

Касательно ориентаций и установок, в отношении которых и должен осуществляться сравнительный анализ, то в качестве таковых были отобраны те, что, по нашему мнению, репрезентируют ключевые диспозиции респондентов в экономической, политической и социальной сферах общественной жизни².

В экономической сфере к таким диспозициям можно отнести отношение граждан к развитию частного предпринимательства как концентрированного проявления рыночных отношений, пришедших на смену государственному управлению экономикой.

Приведенные в таблице 1 данные демонстрируют заметные различия в отношении к бизнесу представителей выделенных нами статусных групп.

Наиболее благосклонно к бизнесу относятся представители статусной группы специалистов. Почти три четверти из них (72,2%) в той или иной степени одобряют его развитие в Украине. Более сдержаны, но все же в подавляющем большинстве одобряют частное предпринимательство представители обеих статусных групп рабочих. Причем маргинальная группа по своим показателям почти совпадает с другой группой рабочих: 56,5% и 55,7% соответственно. Различия статистически не значимы (на уровне $p > 0,05$).

Совсем другая тенденция прослеживается в распределении политических предпочтений. Здесь в качестве ключевой диспозиции было выбрано отношение к многопартийной системе как определяющей характеристике демократического общества, его существенному отличию от общества тоталитарного. Поэтому, предлагая респондентам соответствующий вопрос, мы тем самым получаем четкий критерий определения характера их политических предпочтений (см. табл. 2).

¹ Следует заметить, что выделенные статусные группы связаны не только общими признаками, но и начавшимися еще в 1990-х годах трансформациями структуры занятости. Так, доля специалистов, составлявшая в 1992 году четверть занятого населения, в 1994 году охватывала всего одну седьмую его часть, сократившись до 15%. За этот же период доля квалифицированных рабочих возросла с 17% до 20%. Этот рост, как свидетельствуют данные мониторинга, происходил преимущественно за счет специалистов [Матусевич, 2007: с. 163–169].

² Учитывая схожесть тенденций в основных показателях мониторинговых исследований 2003–2006 годов, а также с целью обеспечения статистически значимых результатов анализа массивы этих исследований были объединены в один. Его объем составлял 7200 человек, среди которых специалистов оказалось 368, квалифицированных рабочих со средним специальным и высшим образованием — 315, квалифицированных рабочих с неполным средним и средним образованием — 749.

Таблица 1

**Отношение к частному предпринимательству (бизнесу) в Украине
представителей разных статусных групп, %**

Статусные группы	Варианты ответа				
	Совсем не одобряю	Скорее не одобряю	Трудно сказать, одобряю или нет	Скорее одобряю	Полностью одобряю
Специалисты с высшим и средним специальным образованием	2,6	7,7	17,5	47,3	24,9
Квалифицированные рабочие с высшим и средним специальным образованием	5,1	14,2	24,2	42,3	14,2
Квалифицированные рабочие с неполным средним и средним образованием	7,1	10,7	26,4	42,0	13,7

Таблица 2

Оценка необходимости в Украине многопартийной системы, %

Статусные группы	Варианты ответа		
	Да	Трудно сказать	Нет
Специалисты с высшим и средним специальным образованием	39,0	28,3	32,7
Квалифицированные рабочие с высшим и средним специальным образованием	34,9	30,5	34,6
Квалифицированные рабочие с неполным средним и средним образованием	26,8	30,6	42,6

В распределении ответов на вопрос “Нужна ли, по Вашему мнению, в Украине многопартийная система?” четко просматривается тенденция приближения маргинальной статусной группы (квалифицированные рабочие с высшим и средним специальным образованием) к группе специалистов. Между ними нет статистически значимых различий как в утвердительных ответах, так и в ответах “нет”. Более того, разность между показателями этих ответов в обеих группах положительная в пользу “да”. В группе рабочих с неполным средним и средним образованием, наоборот, характер распределения показателей противоположный. В них явно (на 16%) преобладают ответы “нет”. То есть среди них гораздо больше тех, кто считает, что многопартийная система в Украине не нужна. По этим показателям различия между ними и представителями двух ранее рассмотренных статусных групп статистически значимы (на уровне $p < 0,05$).

Характерные особенности выявлены также в распределении ответов респондентов об их общественной (социальной) самоидентификации (см. табл. 3). Выбор именно этого признака в качестве интегрального показателя

ориентаций индивида в социальной сфере не случаен. Дело в том, что его социальная самоидентификация отражает интернализацию соответствующих социальных стандартов жизни, сквозь призму которых воспринимаются, оцениваются, а в конечном счете и формируются отношения к различным аспектам социальной ситуации, в которой находится человек.

Таблица 3

**Положение в обществе:
самоидентификация представителей разных статусных групп, %**

Статусные группы	Положение в обществе						
	1 Самое низкое	2	3	4	5	6	7 Самое высокое
Специалисты с высшим и средним специальным образованием	2,7	10,8	35,1	39,4	10,1	0,8	1,1
Квалифицированные рабочие с высшим и средним специальным образованием	5,4	15,1	40,1	28,3	9,2	1,3	0,6
Квалифицированные рабочие с неполным средним и средним образованием	6,0	15,8	39,7	29,7	7,8	0,5	0,5

Определение своего положения в обществе или, иными словами, своего места в иерархически выстроенной структуре социальной стратификации отражает и то, что является общим для всех трех статусных групп, и то особенное, что свойственно только одной или некоторым из них. К общему следует отнести распределение идентификаций в “нижней” (позиции 1–3) и “верхней” (позиции 5–7) частях шкалы общественной иерархии. Различия между статусными группами по этим показателям статистически не значимы ($p > 0,05$). Исключение составляет только “средняя” четвертая позиция, на которую приходится “пик” идентификаций специалистов. Различия между ними и обеими группами рабочих по данной позиции значимы ($p < 0,05$). Итак, можно утверждать, что маргинальная статусная группа по характеру социальной самоидентификации больше тяготеет к родственной с ней по форме занятости группе рабочих, нежели к специалистам.

Рассмотренные выше результаты сравнительного анализа, несмотря на ограниченность эмпирического материала и средств его изучения, по нашему мнению, дают определенные основания считать маргинальный статус фактором двойственности установок его носителей. Характер этой двойственности определяется рангом неконсистентных статусных признаков, тождественностью их с признаками других статусных групп. Так, форма занятости представителей маргинальной статусной группы обусловила сходство их экономических и социальных установок с соответствующими установками другой группы квалифицированных рабочих, а уровень образования существенно приблизил по политическим предпочтениям к статусной группе специалистов.

Резюмируя, замечу, что установленные зависимости, безусловно, не исчерпывают всего разнообразия проявлений причинно-следственного соотношения неконсистентности и маргинальности, а скорее указывают на перспективность его дальнейшего изучения.

Литература

Коваліско Н.В., Савчинський Р.О. Багатовимірна модель стратифікації в умовах трансформації суспільства // *Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства*. — Харків, 2004. — С. 182–187.

Матусевич В. Неузгодженість критеріїв статусної диференціації та форми її прояву // *Українське суспільство 1992–2007. Динаміка соціальних змін*. — К., 2007. — С. 163–169.

Попова И.П. Маргинальный статус // *Маргинальность в современной России*. — М., 2000. — С. 107–112.

Попова И.П. Эволюция понятия маргинальности в истории социологии // *Маргинальность в современной России*. — М., 2000. — С. 7–46.

Саблина С.Г. Статусная рассогласованность в постсоветский период // *Социальная траектория реформируемой России*. — Новосибирск, 1999. — С. 415–426.

Савчинський Р.О. Консистентність статусних позицій індивідів у стратифікаційному просторі (регіональний аспект) // *Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства*. — Харків, 2006. — Т. 2. — С. 89–95.

Lenski G. Status Crystallization: A Non-Vertical Dimension of Social Status // *American Sociological Review*. — 1954. — Vol.19. — P. 405–413.

Park R.E. Human migration and the marginal man // *American Journal of Sociology*. — Chicago, 1928. — Vol.33. — № 2. — P. 889–893.